

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de la Propiedad Intelectual No. 427855

Correo
Argentino
Central B.

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

TARIFA REDUCIDA

Concesión N° 3980

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO VI

Buenos Aires, sábado, 29 de mayo de 1954

• Буэнос Айрес, суббота, 29-го мая 1954 г.

№ 228

М. М. Спасовский

Учредительное Собрание или Земский Собор?

(Продолжение)

Русские историки не могли допустить существование русской **собственной** идеи... Они рассматривали всю историю России с иностранной точки зрения.

Ив. Солоневич

Тысячелетняя история России, особенно ее пятивековой Московский период, самый блистательный по выявлению своей государственной одаренности и своей здоровой национальной самобытности, подготовивший величавую мощь и красу Российской Империи, рассказывает нам всеми своими страницами, что Русь только потому уцелела, росла, крепла и цвела под тяжестью терзающих ее напастей, что в основе государственного благоустройства Земли Русской лежало **соборное начало**, — лежала земля, — мысль и воля Земли, — всей Земли.

Это начало не сразу оформилось в законченный институт, но оно сразу Верховную Власть поставило вплотную к Церкви и по линии роста на Руси христианского вероучения слило эти две силы с народом, укореняя в жизни не только юридические отношения, но и чувство нравственное. Проф. В. О. Ключевский так отмечает этот момент, очень важный в истории развития соборного начала Русской Власти:

— “Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ. На нее возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам Государства. Она является сотрудницей мирской государственной власти в устройении общества и поддержания государственного порядка” (Изд. 1909 г., стр. 48).

Все содержание Церковного устава Великого Князя Ярослава, сына Владимира Святого, удивительно живо и полно повествует о том, что действие Церкви распространялось не только на быт и нравы русского общества X—XI веков, но и на политический порядок страны.

— “Церковь старалась, — пишет проф. В. О. Ключевский, — устранить некоторые тяжелые следствия тогдашнего политического порядка, например, княжеские усобицы и внушить лучшие политические понятия, разъясняя Князьям истинные задачи их

деятельности и указывая наиболее пригодные и чистые средства действия. Точно также, не касаясь прямо ни форм, ни начал русского юридического быта, Церковь прививала к нему новые лучшие юридические понятия и отношения и с помощью их изменяла быт и нравы общества” (Изд. 1909 г., стр. 50).

Из этой беглой попутной справки читатель уже видит, что **соборное начало**, — начало деликатного кооперирования Русской Верховной Власти с Русской Церковью завязалось еще в X веке и достигло высшей точки своего красочного развития в период Московского Царства, то есть, длилось фактически свыше семисот лет. Оно то, это соборное начало и позволило Руси пройти сохранною через все ее погромы и разгромы и расцвети в диковинную Империю и естественно составляло и составляет явление действительно феноменального порядка, единственное в Мировой истории. В глазах иностранцев это явление было и до сих пор остается “великой несообразностью”, чем-то непостижимым и вообще “определенно непонятным”, а, может быть, даже и ненормальным. Но соборное начало было и оно остается русским явлением, глубоко индивидуальным.

Это явление возвращалось и проверялось веками. Именно оно зародило и укрепило, подняло и раскинуло то, что известно человечеству под именем Исторической России. Именно, оно, это соборное начало, вопреки всем окаянным условиям — климатическим, географическим и военно-политическим создало в России поистине самую совершенную форму демократического государственного устройства, которая только известна Мировой истории, — **Соборную Монархию** или, выражаясь на современном языке, **Демократическое Самодержавие**, — такой режим, при котором Царь, Народ и Церковь совместными усилиями своей мысли, воли и православной совести ковали государственное благополучие своей страны. И ковали блестяще, — иначе крохотный удел Даниила не разросся бы в великую и цветущую Империю, не дал бы столь блестящую систему управления и столь блестящую культуру русскую.

1810 - 25 de Mayo - 1954

GENERAL JUAN DOMINGO PERON
PRESIDENTE DE LA REPUBLICA ARGENTINA

El 25 de Mayo próximo pasado la República Argentina festejó su fecha histórica. Una vez más fueron evocados los grandes acontecimientos de 1810 y los nombres de ilustres hombres que iniciaron la lucha por la Independencia de su patria. Todo el pueblo profesa gran admiración y agradecimiento a esos hombres, cuyos nombres están grabados en la historia de la Patria.

Desde nuestra posición de extranjeros, hemos ido tomando contacto paulatinamente con la historia de esta tierra, conociendo más héroes, penetrando en los detalles y apreciando en los actuales momentos el grado de madurez alcanzado por su pueblo que ha sabido mantenerse en la línea marcada por sus mayores, y que hoy ocupa un lugar de privilegio en el concierto de las naciones.

En los festejos de 25 de Mayo nos unimos con el pueblo argentino, sintiéndonos felices con la alegría de una nación independiente con un futuro promisorio. Nuestros hijos llevaban en sus pechos la escarapela con el mismo orgullo como los chicos nacidos en este País.

Hechando una rápida mirada re-

trospectiva sobre la historia de la República Argentina — podemos ver el inmenso desarrollo que hizo este gran País, más aún en los últimos años bajo el gobierno del General Perón, colocándose entre los países de primera magnitud y liberando su economía y soberanía de la influencia del exterior.

По независящим от редакции техническим причинам (поломка линотипа) мы вынуждены выпустить этот номер на ШЕСТИ страницах, располагая лишь имеющимся в нашем распоряжении, набранным до поломки машины, материалом.

К сожалению, в номер не может быть включена Хроника Народно-Монархического Движения, которая будет напечатана в следующем — 229-ом — номере.

Майский выпуск ежемесячного бесплатного приложения к “Нашей Стране” “НАША ЗЕМЛЯ” выйдет также со следующим номером.

Редакция

Вот почему, — выражаясь словами Ив. Солоневича, — мы не хотим борьбы за власть, мы хотим соборность власти, — такой, какой эта соборность была на практике достигнута в Московской Руси и создала там государственный строй, до какого Петербургская Империя так и не сумела дойти (см. "Народную Монархию", часть I, стр. 108).

Отсюда наш лозунг: — не назад к петербургской России, а вперед за Московскую Русью!

Мы, народные монархисты, потому являемся горячими сторонниками института соборного начала, что видим, знаем и понимаем, как это начало ревниво несет в себе все элементы органического, самого живого, тесного и честного взаимного сотрудничества Верховной Власти, Церкви и Народа и как оно, действительно, крепко и грозно стоит на страже и общегосударственных и общенародных интересов. При соборном начале народными представителями являются представители от всего населения, от всех его слоев и категорий, — лица, профессионально связанные с местом и со всей сферой своей работы и потому конечно, максимально сведущие по линии той области государственного хозяйства страны, которую они представляют, как спецы.

На Всероссийских Земских Соборах Московской Руси мы видим представителей административных, военных, церковных, торгово-промышленных и общественно-городских и сельских кругов со всей Земли. Кадр этих представителей составляется по принципу территориальному и профессиональному и эти представители естественно заинтересованы не в том, как бы это полнее и понапористее дорваться до власти и сесть на шею народную, а исключительно в том, как бы возможно полнее и возможно вернее осветить, защитить и укрепить интересы Государства по данной линии государственной-хозяйственной жизни.

Этим лицам, чтобы быть избранными в Земский Собор, не надо ничего обещать, а следовательно, и лгать своим избирателям, им не надо никого подкупать или соблазнять, обволакивать и обманывать какой бы то ни было пропагандой и тратить на нее бешеные деньги, иногда очень темного происхождения. Этим лицам требуется только одно — **знать** возможно полнее и **понимать** возможно глубже ту сферу труда, которую они представляют, и **освещать** эту сферу возможно честнее. Наиболее знающий, толковый и живой, наиболее честный и верный сын своего народа сам собою, силою своего труда, своей даровитости, своих познаний, своего опыта и своего душевного благородства автоматически выбрасывается на гребень жизни и посылается представителем Народа на Земский Собор.

Одаренные по природе, преданные своему делу и верные своей стране, эти люди — члены Московских Земских Соборов работали так, как никогда не работали, да и не могут работать никакие парламентарии-партий-

цы. Именно, по этой причине **соборные** смогли построить и построили Великую Державу Российскую — диковинное **Государство Российского Царства**.

Партийные губошлепы, как правило, бездарные в понимании реальной политики общенародного значения, но громкозвучные в своей болтовне и плоскодумные, в своих бессовестных делах, что они с их мозгами набекрень могли в горе-Государственных Думах и в так называемом Временном правительстве 17-го года дать России положительного, кроме измены и предательства, позора и провала?!

Соборное начало, как уже заметил читатель, оценивает Россию во всем ее государственном целом не с точки зрения интересов какого бы то ни было сословия или класса, каких бы то ни было группировок, сообществ или партий, а исключительно с точки зрения сохранения, укрепления и дальнейшего роста **самостоятельного и самобытного государственного бытия** и благополучия **всей страны со всем ее населением**. Именно, это органическое кооперативное начало живой совместной работы Царя, Народа и Церкви, а не что-либо другое спасало Московскую Русь и от завоевания ее соседями, и от внутреннего распада, и от истощения ее духовных и национальных сил, и от потери ею ее религиозного патриотизма, национального единения и самоотверженного служения. Это начало спасало Русь и от заговоров, и от измен, и от царевубийств, и от помещичьего крепостничества, и от партийного рабства.

Царь, Народ и Церковь жили и работали слиянно, — никто из них и никогда не восставал один против другого. Были шероховатости и иногда большие, были ссоры и иногда жестокие, были распри кровавые и злые, но у всех была одна духовная линия — чувства национального самощущения и национального самосохранения, чувство совести, Православием взрощенное, и чувство сознания, что ты целиком вложил в дело **служения** своей родине и верен ей до конца.

Насколько Цари Московские глубоко понимали, высоко ценили и берегли земское представительство, видно уже из того, что после Смутного времени 1610—1612 годов они постоянно имели при себе Земские Соборы и все сложные вопросы государственного значения всегда разрешали **совместно** с ними.

Так, и в первые годы своего царствования Царь Михаил (1613—1645) правил с **постоянно** помощью Земского Собора. Выборных земских людей Михаил не распускал, когда прибыл из Костромы в Москву, а твердо держал их при себе непрерывно в течение десяти лет. Выборные сменялись другими "от городов и весей", насыщали Земский Собор полнотой народного мнения ревностно помогая Царю во всех его важных и трудных задачах.

Здесь ценно то, что **Царь не хотел править без Собора, он понимал, что в интересах общенародного и общегосударственного дела необходимо было, чтобы все важнейшие распоряжения**

Московской Власти были обсуждены и одобрены всей Землей, — всеми земскими выборными людьми.

Царь понимал, что в трудные минуты государственной жизни страны только в таком виде наиболее важные законы и приказы Москвы, разработанные и принятые **совместными усилиями Царя-Народа-Церкви**, могли быть полноценными и будут исполнены везде и всеми не только без прекословия, но ревностно, твердо и во всей полноте. Царь шел по следам Великих Московских Князей, в деятельности которых соборное начало наиболее ярко стало проявляться со времени Ивана III Васильевича (1462—1505), закончившего собрание великорусских земель под властью Москвы, образовавшего единое Великорусское Государство и, по выражению проф. С. Ф. Платонова ставшего **народным единодержавным государем** (СПБург, 1911 г., стр. 126).

Так Русь росла и крепла — на лоне нашей собственной русской национальной и религиозной государственной идеи, — на лоне нашего собственного русского государственного инстинкта и государственного разума, наших русских природных дарований и здоровой духовной глубины нашего русского нутра.

Соборное начало феноменально еще в том отношении, что оно позволило Верховной Власти спокойно разрабатывать государственные планы на длинные десятки лет вперед — единственно потому, что планы эти, **соборно** рассмотренные, одобренные и принятые, **реализовались всей Землей в интересах и силами всей Земли** и не какими-то отрезками времени, а поколениями, и именно в силу этого соборное начало представляло собою гранитную скалу для твердой устойчивости Верховной Власти — в противоположность республиканской текучести всех и каждого. Мысль взвешивалась в века и воплощалась веками, — она не знала борьбы за власть по той простой причине, что соборное начало несло в себе возможность и способность поколениями **сообща работать и сообща разрешать и сообща реализовать** все те задачи, которые ставила перед Верховной Властью страна в лице ее коренного и ведущего многонационального населения.

Именно, поэтому демократическое Самодержавие Московской Руси, или, иначе выражаясь, Народная Монархия была классической формой подлинно демократического правления в его классическом народном виде. **Эта форма не ограничивала власти царя, но она не ограничивала и мнение народа.**

Данный исторический факт надо понять во всем его объеме, во всей его глубине и серьезности, чтобы не только оценить историческую важность данного факта, но и понять его историческую ценность в рамках текущей реальности сегодняшнего русского дня. Мы не имеем право жить мечтаниями и только одними сладкими воспоминаниями, — мы должны считаться с той обстановкой, которая нас окружа-

ет сегодня здесь и которая будет ждать нас завтра там.

Представительство от областей, городов, земств и весей, с одной стороны, и представительство от цехов или корпораций или профессиональных объединений и широких церковных и общественно-народных слоев, с другой, и составляло то **истинное народное представительство**, которое государственные интересы своей Земли не только ставило превыше каких бы то ни было партийных программ и деклараций, но и умело эти интересы реально понимать, беречь, защищать, развивать и твердо проводить в жизнь по линии именно **общенародного и общегосударственного блага**, а не по линии каких-то темных целей каких-то темных партийных проныр и комбинаторов.

Если бы русские историки освещали Русскую Историю вот с этой нашей собственной русской национальной и религиозной государственной идеи, на лоне которой росла и крепла Русь, и если бы мы все вкуче понимали и ценили эту идею, то в свое время не изображали бы собою растяпушек российских и не лезли бы на Запад искать там ни в каком отношении ненужных нам и во всех отношениях предательских рецептов и лекарств и не по звалили ли бы "заезжим молодцам" растлевать наши души, отравлять наши мозги и рубить с нашей помощью корни того могучего и прекрасного русского дуба, на котором мы все сидели так свободно, так спокойно и в таком довольстве мира и труда и так глупо не замечали ни величавой красоты, ни бескрайних щедрот этого нашего русского дуба!...

4.

Московское Самодержавие все время работало для самоуправления, а когда Самодержавие пало (Смутное время), то оно было восстановлено самоуправлением.

Ив. Солоневич

Одним из замечательнейших элементов, входящих органической и неотъемлемой частью в институт триединого соборного начала, является широкое самоуправление — городское, сельское, сословное, профессиональное и национальное (племенное), — явление, совершенно невиданное нигде в мире, кроме России Исторической.

И что самым интересным и ярко показательным в этом явлении представляется то, что о самоуправлении на местах и в слоях населения заботилось не только и не столько само население, сколько Верховная Власть.

Это она, Царская Власть, ревниво следила за тем и заботилась о том, чтобы российский народ во всем его многонациональном объеме как можно полнее и как можно тверже защищал и обслуживал свои интересы и нужды и свой быт **сам**. И не для того, чтобы как-то и в чем-то помочь центральной власти в смысле разгрузки ее сложной деятельности, а исключительно для того, чтобы дать всему населению широкое самоуправление. (Продолжение на стр. 5)

Борис Ширяев

Диагноз д-ра Чехова

—Странное существо русский человек, — сказал однажды А. П. Чехов А. М. Горькому. — В нем, как в решетке, ничего не задерживается. В юности он жадно наполняет душу всем, что под руку попало, а после тридцати лет в нем остается какой-то серый хлам. Чтобы жить по-человечески, надо же работать! Работать с любовью, с верой. А у нас не умеют этого. Архитектор, выстроив два-три приличных дома, садится играть в карты и играет всю жизнь. Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме "Новостей терапии", не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни простудного происхождения. Я не встречал ни одного чиновника, который хоть немножко понимал значение своей работы: обыкновенно он сидит в столице или в губернском городе, сочиняет бумаги и посылает их в Змиев или Сморгонь для исполнения. А какое действие произведут они в Змиеве и Сморгони, об этом чиновник думает так же мало, как атеист о мучениях ада. Сделав себе имя удачной защитой, адвокат перестает заботиться о защите правды, играет на скачках, ест устриц и изображает собой тонкого знатока всех искусств. Актер, сыгравший сносно две-три роли, уж не учит больше ролей, а надевает цилиндр и думает, что он гений...

В этих, как всегда, правдивых словах великого правдолюбца им самим или передававшим их в своих воспоминаниях Горьким допущена одна явная неточность — ясная из смысла всей этой речи: А. П. Чехов, сказав "русский человек" подразумевал под ним русского интеллигента его эпохи. Ведь приведя ряд примеров, А. П. Чехов указывает только на лиц так называемых интеллигентных профессий: адвокатов, врачей, актеров и т. д. — есть на русскую, главным образом, "прогрессивную" интеллигенцию его времени — эпохи "геральдной репетиции" русской революции, первого пятилетия двадцатого века.

Но Чехов отнюдь не "обличитель". Герценовская тенденция критики "с другого берега" ему абсолютно чужда. Он живет на "этом берегу", в России, в ее среде, вместе с нею, слитно и неразрывно. Вместе с ней он любит, страдает, болеет ее болезнями и радуется ее радостями. Еще более чуждо ему злобное ненавистничество Щедрина. Ни в одной строчке Чехова нет злобы. Он — врач, видящий болезнь пациента, но не осуждающий его за эту немощь, какого бы происхождения она ни была.

—Собственно говоря, подлецы тоже несчастные люди, чорт их возьми!

Именно за этот отказ от осуждения, за полное отсутствие злобой сатиры, даже оттенка ее, в мягком, деликатном и чутком юморе сам Чехов был осужден своими "прогрессивными" современниками, в лице их главы, псев-

донародника Михайловского и его приспешников, как писатель "без направления" и, следовательно, безыдейный, никчемный...

Но была ли действительно у Чехова какая-либо направляющая его творчество линия, которой он следовал бы всю жизнь? Или он был действительно мягкотелым Маниловым своей эпохи, неспособным к утверждению своей творческой воли?

Ответ на это мы находим в его личном отношении к "прогрессивным" судьям и критикам.

—Попытка свести Чехова с Михайловским и Глебом Успенским не удалась, — свидетельствует В. Короленко в своих воспоминаниях.

И не могла удалась. Чехов был подлинно народным писателем и тонко чувствовал всю фальшь "народников". Знал цену и их критике.

—Только Скабичевский однажды произвел на меня впечатление, — сказал Чехов Горькому, — он написал, что я умру в пьяном виде под забором.

А ведь Скабичевский в то время владел умами молодежи, именно той молодежи, из которой выросло в дальнейшем "февральское" поколение русской "прогрессивной" революционной интеллигенции.

Истинным направлением творчества А. П. Чехова было неизменно владевшее им стремление к правде в литературе. Этому направлению он следовал всю жизнь, не поддаваясь никаким чужим влияниям, даже всецело господствовавшим тогда в русской литературе революционным настроениям. Знал Чехов и им цену.

—Я не понимаю, почему вся молодежь без ума от Горького, — говорил он А. Сереброву (Тихонову), — вот вам всем нравится его "Буревестник" и "Песня о Соколе". Но ведь это еще не литература, а набор громких слов. Я знаю, вы мне скажете — политика! Но какая же это политика? "Вперед без страха и сомненья"! А куда вперед — неизвестно?! Если ты зовешь вперед, надо указать цель, дорогу, средства. Одним "безумством храбрых" в политике никогда ничего не делалось. "Море смеялось" ... Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает.

А о революционных декадентах типа Бальмонта с его "горящими зданиями" Чехов высказался еще определеннее:

—Жулики они, а не декаденты. Гнилым товаром торгуют... Это все они нарочно придумали, чтобы публику морочить... И ноги у них вовсе не "бледные", а такие же, как у всех, волосатые...

—Ну, какой же Леонид Андреев писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, который ужасно любит красиво говорить.

"Прогрессивная" критика по ту и по эту сторону железного занавеса до сих пор умышленно не отметила одной чрезвы-

чайно важной черты в творчестве А. П. Чехова: ни в одном из тысячи его рассказов, ни в повестях, ни в сценических произведениях даже отдаленно не показан тип революционера современной Чехову эпохи. Большевикские литературоведы старались изо всех сил установить свое родство с А. П. Чеховым ("Вишневым сад") и брошенную вскользь фразу Вершинина ("Три сестры") о прекрасной жизни, которая наступит через триста лет. Однако, даже Горький был вынужден признать несостоятельность такой "революционности" А. П. Чехова:

—Дрянный студент Трофимов красно говорит о необходимости работать и бездельничает, развлекается глупым издевательством над Варей, работающей, не покладая рук... Вершинин мечтает о том, как хороша будет жизнь через триста лет, а не замечает, что около него все разлагается... — сказал он.

Чехов с предельной ясностью видел всю фальшь революционной интеллигенции своего времени:

—Студенты бунтуют, чтобы прослыть героями и легче ухаживать за барышнями, — говорил он Сереброву, — а потом сами становятся прокурорами по политическим делам, — добавил он в разговоре с Елпатьевским.

—Хорош белый свет, — сказал он Щепкиной - Куперник, — одно только в нас нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости! Как плохо мы понимаем патриотизм. Мы, говорят в газетах, любим нашу родину... А в чем выражается эта любовь? Вместо знаний нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство. Справедливости нет... Работать надо, а все остальное к чорту!...

Но кто же эти "мы"? Кого зачисляет А. П. Чехов в разряд "нас"?

Современную ему русскую "прогрессивную" интеллигенцию в ряды которой он был почти насильно втянут неизбежно окружавшей его литературной средой. А это окружение приложило все силы к тому, чтобы оторвать А. П. Чехова от консервативно-почвенной группы Суворина и Лейкина. Доходило буквально до скандалов, обструкций, которые устраивали "прогрессисты" на квартире Чехова пришедшему к нему нововременцу Меншикову (воспоминания Елпатьевского). Но и влившись в их русло, сблизившись с группой Горького, с петербургскими "прогрессистами", с Короленко и ловкачом Гольцовым, правдолюбец Чехов остался верным самому себе: певцом "революционной бури" он не стал ни в какой мере. Предпочел промолчать о типе революционера в данной им энциклопедии русской жизни начала века.

Почему промолчал? — приходит невольный вопрос.

Ответ на него дает сам характер творчества А. П. Чехова. Обличителем он не был, а в этом случае нужно было или обличать или молчать. Не мог он и плыть "против течения" в предреволю-

ционные годы начала века. Сил не было. Последний градус чужотки. Оставалось только закрыть свои усталые глаза и "не заметить" крикливого уroda.

Осуждать Чехов не мог, не умел и не хотел. Он и в литературе оставался врачом и как врач, прошел по бесконечному ряду палат, заполненных смертельно больной русской интеллигенцией. Ведь крестьянству и буржуазии Чехов уделил едва ли больше пяти процентов своего внимания. Там природы здоровые, сами поправятся, а он, врач, идет к больным и ищет для них лекарства.

Идет, он, идет по палатам... Номер один, номер два... номер шесть... страшная номер шесть! А не страшнее ли ее палата "Июныча", в которой "прогрессивная" интеллигентка, борясь с "предрассудками", зажигает три свечи и читает в их свете бездарный, но "направленческий" роман, а ее пошляк-муж глубокомысленно изрекает: "Недурственно"? Не страшнее ли она потому, что именно в этой тине, отравленной ядовитыми испарениями гибнет молодая жизнь их дочери?

Дальше идет доктор Чехов. Вот палата "Дуэли". До какого глубокого падения должен был дойти современный Чехов русский интеллигент, чтобы быть принужденным работать после безмерного унижения, под дулом пистолета...

Дальше. Ряд серых, скучных, хмурых кроватей бесконечен. Вот "скучный" профессор, не знающий, как жить и для чего жить при всей своей действительной углубленности, а вот его самодовольный, тупой коллега, поучающий труду скромных работников дядю Ваню и Варю и сам не делающий ровно ничего. Вот палата стонущих от неумения построить свою жизнь трех сестер-интеллигенток... Вот палата самоубийцы Иванова, неврастеника, не знающего к чему применить себя да и не имеющего воли и стремления к этому применению.

В каждой повести, в каждом рассказе писатель Чехов открывает дверь новой палаты, а врач-Чехов ставит безошибочный диагноз находящимся в ней больным. Лекарство одно для всех — труд, слияние с творческой работой нации, вхождение в нее для заполнения соответствующего места.

—Работать надо, работать... А все остальное к чорту!

Что "остальное"? Что "к чорту"?

Да разве не ясно "что"? То, именно, что сумел отбросить от себя "к чорту" сам Антон Павлович Чехов — ту интеллигентскую шелуху, беспочвенное, безответственное политиканство, псевдопрогрессивное "направленчество", самодовольное зазнайство, безволие и вместе с тем воображение себя "солью русской земли", выразителями мысли и чувства народных, крикливое критиканство, отрыв от творческой работы нации-государства и еще, и еще... Длинный перечень всех болезней предреволюционной русской интелли-

Г. Месняев

НАРОД НА ВОЙНЕ

По поводу книги В. И. Алексеева "Россия солдатская".
Чеховское Из-во. 1954.

На первый взгляд, название новой книги В. И. Алексеева, может показаться неправильным и не отвечающим своему содержанию.

В самом деле, под солдатом мы понимаем человека, проникнутого особой, чисто военной психологией, впитавшего в себя понятия о воинской чести и долге, скованного не страхом, а дисциплиной, и, конечно, соответствующе подготовленного и обученного своему военному ремеслу.

Вспомним страницы "Войны и мира". Щеголеватые, пышащие здоровьем, силой и удалью, павлоградские гусары; киевские grenадеры, ведомые в атаку под Шенграбенom генералом Багратионом; артиллеристы на Шевардинском редуте, — это солдаты.

Но, солдаты ли те люди, пока-

генции, ее "февральского" поколения...

Страшен диагноз, поставленный мягким, чутким и деликатным, но правдивым д-ром Чеховым у одра безнадежно больного.

Безнадежно?

Есть пошлая, трафаретная фраза, которую нередко произносят врачи у постели умирающего: "наука здесь бессильна, но будем надеяться на милость Божию".

Не обошелся без нее и д-р Чехов, но в отличие от своих коллег произнес ее с полной верой. действительной верой, выношенной в сердце к концу своей недолгой жизни. Пятнадцать лет, носил в себе А. П. Чехов дивный образ "Архиерея", служителя Христа, и лишь выносив, выстрадав, смог записать его. К концу своей жизни... И не только его, "Архиерея", видел он вне больничных палат, в ином мире, в мире всей полноты русской жизни. Видел он там и "Студента", повествующего в пасхальную ночь безграмотным бабам о жертвенных муках Христа и сливающегося с ними в общем русле русской народной стихии. Видел и монашка-поэта, вдохновенно слагающего акафисты Небесной Заступнице. Как бесконечно далек этот поэт от тех, с которыми соприкасался А. П. Чехов в литературном мире и как понятна Чехову его светлая красота...

"Наука здесь бессильна". Диагноз д-ра Чехова подтвержден смертью больного, отравленного ядами собственного организма в 1917-м году. Но... "будем надеяться на милость Божию". Живут же еще на Руси "студенты", хранящие правду Господню в сокровенных недрах национальной стихии. Живут! Знаю, сам их видел и рассказываю о них здесь, в зарубежье, по мере своих сил и своего голоса. Жив Бог Земли Русской!

Борис Ширяев

занные нам автором "России солдатской", которые прибывают на пополнение в воинскую часть, под Калугой, и которые не умеют стрелять из винтовки? Они не только не щеголеваты, не проникнуты воинским духом, не связаны нормальной воинской дисциплиной и духом боевого содружества, но, наоборот, — забиты, измучены, разрознены и преисполнены страхом. Через несколько часов они должны идти в бой, а им впервые дали в руки винтовки и показывают, как из них стрелять.

Едва ли, какая-нибудь другая армия, кроме советской, знала, когда-либо, подобных солдат. И, между тем, они — голодные, затравленные и не имеющие самых элементарных военных знаний — были солдатами, а Россия, в те годы, была солдатской. И было это потому, что солдатская психология, т. е. сознание своего долга перед отечеством и повелительная потребность защищать его от врага, продолжали жить в умах и сердцах почти всех русских людей, даже в особых условиях советского режима и вопреки этому режиму.

Еще с тех пор, когда русский человек, выезжая в поле, пахать или сеять, брал с собой оружие; когда монахи под своими рясами носили кольчуги, а под клобуками — шлемы, — в сознании русского человека укоренилось убеждение в том, что он, для того, чтобы жить, должен быть не только пахарем и монахом, но и воином и защитником своего родного края. Те крестьяне, которые пополнили петровские полки, разбитые под Нарвой, те ополченцы, которые с крестами на шапках, шли под Москву и под Севастополь — знали твердо, что война дело, хотя и тяжелое, но неизбежное, дело общенародное, от которого не только нельзя, но, и по совести невозможно уклониться.

В силу особенностей своей исторической жизни, в силу исторической необходимости, Россия всегда была солдатской и осталась таковой даже тогда, когда ей пришлось вести тяжкую борьбу с врагом под противоестественным лозунгом: "За Родину, за Сталина!"

Эта противоестественность, не совместимость ненавистного имени Сталина со священным понятием Родины — поставили русский народ в совершенно исключительное положение, в совершенно безысходное и трагическое. Русский врожденный солдатский инстинкт должен был неизбежно войти в самый острый конфликт с теми чувствами, которые рождало имя Сталина и все то ненавистное и органически неприемлемое, что было с ним связано. В душе каждого русского человека, непродавшего своей совести советскому режиму, в годы последней войны, не могла не идти напряженная, мучительная и острая борьба.

В. И. Алексеев, описывая в своей книге, первый период войны, когда советская власть еще не стала на путь лукавого поощрения врожденного русско-го патриотического инстинкта, — с большой убедительностью и художественной силой показал как в атмосфере пораженчества, незримо, постепенно и с трудом зрели ростки воли к победе. Он нигде не говорит от себя, не навязывает читателю собственных взглядов и выводов, он просто рассказывает о мыслях, чувствах, надеждах и страхах множества растерянных и мечущихся русских людей, и из этого безискусственного и внешне спокойного и даже бесстрастного повествования, — рождается яркая картина трагической солдатской России.

Ненависть к власти, чувство собственного самосохранения, рождает в эти первые месяцы войны, совершенно определенное, почти общенародное пораженческое настроение.

"Мне за Сталина и за Родину все равно как умирать: от мины или от голода" — говорит с какой-то почти циничной покорностью один из солдат.

С предельной остротой пораженчество это проявляется в словах солдата, попавшего в плен.

"Пожилой солдат снял пилотку и истово перекрестился... Лицо солдата было спокойно и торжественно. — Слава Тебе, Господи — повторил солдат... — Что там ни будет, а от большевиков избавились".

Однако, В. И. Алексеев, как правдивый и искренний писатель, не мог, конечно, вложить всю многообразную и сложнейшую гамму ощущений, мыслей и чувств взбаламученной солдатской России, в упрощенную схему: сначала пораженчество, а затем, сменившая его воля к победе.

Почти незаметными штрихами, он сумел показать то, какими путями зарождалось новое чувство, чувство традиционной ответственности русского человека за судьбы его отечества, которое постепенно изменяло пораженческую психологию тогдашнего русского человека на психологию противоположную.

В этом смысле, очень убедительны скупые, но напряженные строки, описывающие впечатление одного из участников войны, увидевшего одинокий труп немецкого солдата, оставленный в поле.

"Немец лежал, сложив руки по швам, ветер трепал темные волосы, глаза были закрыты, длинные ресницы побелели. Труп лежал спокойный и неподвижный. Григорий с мучительным любопытством вглядывался в правильное красивое лицо. "Крестьяне не правы: войско наверно хорошее, но что они думают у нас делать? Неужели надеются просто-напросто завоевать? Не может этого быть!"

Труп лежал гордый, одинокий и безответный. "Одной гордостью и отвагой Россию не возьмешь", — подумал Григорий".

Вот, именно, здесь в гордом

облике убитого немецкого солдата и находится ключ к пониманию тех новых настроений русского народа, которые, незаметно зрея, укрепляясь, заставили его, подавив в себе враждебность к советскому режиму, — стать на защиту родной земли.

Отвага и гордость врага столкнулись с отвагой и гордостью русской. Ни та, ни другая русским народом потеряны не были. Была потеряна лишь свобода, и весь вопрос заключался в том: хочет ли враг дать эту свободу, или хочет только "просто-напросто завоевать?" И, когда выяснилось, что он хочет только завоевать, тогда русская гордость заговорила полным голосом.

То, чего не могли понять немцы, поняли большевики. Искусно и умело, они на время спрятали свои интернациональные лозунги и сделали все возможное для того, чтобы обратить войну за Сталина в войну "отечественную".

При этом они несколько не ослабили жестокого пресса, давившего на армию и на народ. Они ничего не изменили в тех невероятных и непереносимых ни для одного солдата любой армии, условиях, в которых находились и русский солдат и русский народ, в целом. Все осталось по старому: и нищета, и голод, и бесправие, и жестокость, и бессердечие к своим собственным раненым, ярко описанные автором книги в главе "Раненные", и скотское положение солдат, и произвол политкомиссаров, устраивавших показательные расстрелы мнимых и немнимых дезертиров. Но, они сказали только одно: "Вы — русские. Вы защищаете не нас, а Россию, ту Россию, которая представлена вашими героями: Александром Невским и Суворовым. Мы вам возвращаем погонь, которые символизируют честь и доблесть ваших предков. Мы восстанавливаем Церковь, которая некогда благословляла их на защиту отечества!"

И этого было достаточно для того, чтобы "Россия солдатская" — голодная, раздетая, вшивая, измученная, часто безоружная и неумеющая стрелять — снесла с лица земли первоклассную немецкую армию, победившую все армии мира.

Большая и безусловная ценность книги В. И. Алексеева заключается в том, что он наглядно и с художественной простотой, показал нам, что те магические слова, которые не один раз подымали русского человека на защиту своей родной земли — продолжают сохранять свою силу и для современного русского человека. Современный русский солдат внешне совсем не тот, каким был когда-то павлоградский гусар или киевский grenадер. Но это ни в какой мере, не должно нас смущать. Старый русский солдатский дух — жив и в этом то и заключается залог спасения и возрождения России.

Г. Месняев

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ИЛИ ЗЕМСКИЙ СОБОР?

(См. стр. 1 и 2)

рокую возможность самому решать задачи местного, профессионального и национально-бытового характера. И еще, главным образом, потому, что русская Верховная Власть мудро видела в институте широкого самоуправления залог, во-первых, верного подхода к правильному освещению, пониманию и разрешению всех местных, профессиональных и национально-бытовых нужд и интересов и, во-вторых, залог крепкой во всех отношениях целесообразной и глубоко дружеской связи как со всей периферией страны, так и со всеми слоями народа во всей его многонациональной громаде. Именно, в такой системе Народная Монархия находила ту свою **устойчивость в веках**, которая позволяла ей планировать государственные задачи на поколения и решать эти задачи уверенно, положительно и крепко и совершенно не считаясь со сроками.

Из недр этого народного самоуправления и выходило подавляющее большинство земских представителей — членов Всероссийских Земских Соборов, специалистов-практиков своего дела и знатоков местных нужд и интересов. Они-то и приносили с собою мнение всей Земли Русской и именно в этом мнении Великие Князья и Цари Московские и находили правильное решение общенародных и общегосударственных задач, — и силою и полностью своей власти спокойно и твердо проводили нужные стране мероприятия.

Это был не произвол власти, а **гармония мысли и воли Царя, Народа и Церкви.**

Здесь надо еще оттенить и даже подчеркнуть, что Московская Монархия не боялась ни в каком отношении народного самоуправления по очень простым соображениям. Широкое самоуправление давало возможность всему населению чувствовать себя и быть действительно свободными во всех делах благоустройства своей местной жизни хозяйственной и общественной. В этой свободе люди чувствовали себя ничем не стесненными в проявлении своей хозяйственной инициативы, своих торгово-промышленных дел, духовных исканий и своих бытовых и культурных интересов. Московские люди спокойно и целиком вкладывали себя в свою работу, в свою заботу и в свои стремления работать без оглядки и без удержу — на основах неограниченной собственности. Так и работали, потому что хотели иметь и имели и доброе имя и родовое достоинство и открытый путь личной заслуги и почета, — и видели и знали, что они — дети великого народа и свободные граждане великого государства.

И во всей этой ревности духовно и хозяйственно расцветала народная душа, а в общем великом всероссийском потоке этой ревности расцветала, крепла и ширилась Великая Русь...

Москва все это понимала, — понимала с самых первых робких шагов своего государственного бытия, когда она была еще селом и когда на заре XII века в этом селе поселился первый Князь Московский — Данило, младший сын Александра Невского и когда сила мнения стекавшегося к Даниле народа и сила власти Князя Московского, совпадая, начали сливаться в один стройный аккорд мысли и воли. Именно, в этом моменте и надо искать разгадку того феноменального явления, — почему крохотный Московский удел вырос в Великую Державу Российскую вопреки всем каторжным напастям, сыпавшимся на нее со всех сторон.

Так выковался режим **Демократического Самодержавия**, — так, неумолимо преодолевая все окаянные условия климатические, геогорфические и военно-политические, этот режим вел нашу страну к расцвету **естественным путем самобытного роста**; путем природного, нормального развития государственной жизни страны.

Петр Первый растоптал, разметал этот наш **русский** путь и толкнул страну на кочки "западного просвещения", — "европеизации". Мы "просвещались" и "европеизировались" двести с чем-то лет и этого оказалось вполне достаточным, чтобы в 1917-м году наша блистательная Держава Российская со всеми ее культурными и материальными ценностями скатилась в чортову дыру всерастлевающего социализма, — последнего достижения блудливой европейской мысли в ее поисках "невыразимо пре красного".

5.

Нам подражать западным народам все равно, как здоровому, работающему, неспорченному малому завидовать парижскому плешивому богачу, сидящему в своем отеле.

Лев Толстой

(из книги Александры Толстой — Отец).

Нашему поколению не уйти от политической работы и государственного служения. Эту истину мы должны усвоить и помнить твердо, постоянно, как бы некоторые из нас ни прикрывались "субординацией" и "аполитичностью". Жизнь наших дней складывается так, что никаким Макаром эту самую политику объехать или обойти невозможно никак. Ныне нет таких вопросов общественной, культурной и экономической жизни, которые тем или другим боком не были так или иначе связаны с политической, с политической ситуацией. Ни церковные, ни военные, никакие другие "обывательские круги" не смогут считать и чувствовать себя "вне политики". В наши дни все этапы нашего бытия на земле под тем или иным углом, в форме того или иного влияния, побуждения или воздействия неизбежно купаются в лучах политического действия.

Послесюветская Россия, это

очевидно для всех, будет особенно переживать эти "лучи политического действия", стремясь, с одной стороны, возможно полнее пережить первые моменты своего вступления в свободную жизнь и, с другой, возможно прочнее укрепить эту свободную жизнь актами определенно политического порядка — в плане развития своей государственной акции.

Линию развития этой государственной акции мы, русские, должны встретить на этот раз во все оружие своих политических знаний, а эти знания не могут быть полными и серьезными без знания нашего исторического прошлого, где уже лежат ответы на все вопросы нашего настоящего. В этом отношении Народно-Монархическое Движение проделывает громадную работу великой исторической важности: — железной метлой своей пытливей мысли оно счищает с лика исторической России весь тот мусор, который заваливал ее за последние 250 лет, — счищает, чтобы показать нам, как и всему миру, ту нашу настоящую коренную и самоцветную Московскую Русь, которая за 500 лет своего диковинного развития создала **совершеннейшую форму полноценной демократической государственности.**

Повторим еще раз: — Московская Русь создала явление исключительного порядка — **Соборную Монархию** или иначе, выражаясь, **Народную Монархию**, а по современной терминологии — **Демократическое Самодержавие**, то есть, такую форму государственного правления, при которой Царь, Народ и Церковь работают совместно, будучи **органически** слиты воедино одной мыслью — русской и одной волей, тоже русской.

Эта форма государственного правления и составляет наше главное и наше самое ценное историческое наследие и богатство. Об этом свидетельствуют все наши подлинно русские по духу, национально мыслящие выдающиеся русские мыслители и писатели, начиная с древнейших времен и кончая такими именами, как бр. Киреевские, бр. Аксаковы, Хомяков, Конст. Леонтьев, Гоголь, Достоевский, Лесков, Данилевский, Лев Толстой, Лев Тихомиров, Вас. Розанов, И. Шмелев и Ив. Солоневич.

Вот что пишет Александра Львовна Толстая в своей книге "Отец" (Изд. 1953):

— "Брошюру Хомякова, в которой тот доказывает, что Россия должна идти своим историческим путем, Толстой считал прекрасной и путь западных народов считал для России гибелью..."

Она же приводит такую запись из дневника Льва Толстого от 3 июля 1906 года:

— "Если русский народ — нецивилизованные варвары, то у нас есть будущее. Западные же народы — варвары цивилизованные, и им уже нечего ждать".

Десятью годами позже в Кобре втором своих "Опавших листьев" (СПбург, 1912-15) последний гениальный русский философ В. В. Розанов, как бы в раз-

витие вышеприведенной мысли Льва Толстого, писал:

— "Цивилизация XX века, которая в значительной степени есть антихристианская, была во все не "цивилизация", а скандал в ней, и не "прогресс", а "наследие на полу" и надо это подтереть... Пришли свиньи и изрыли мордами огород: это не значит, что огороду не надо быть и надо к осени остаться без овощей, а значит, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить в землю и по осени собирать плоды..."

Идеолог Народно-Монархического Движения Ив. Солоневич, бежавший из советской России в 1933 году, достаточно рассмотревший в Зап. Европе на кабаке царящий, там и создавший в эмиграции могучее течение политической мысли московского славянофильства, так освещает в своем капитальном труде "Народная Монархия" жгучие вопросы русской судьбы. Этот труд его ценен во многих отношениях, его значение — исторического порядка и по всем мыслям своими и по своей богатой эрудиции интересен до последних и мелких деталей. В силу ограниченности места мы по затронутому нами вопросу приведем лишь несколько кратких фраз из этого труда, которые звучат как афоризмы. И еще хочется сказать, — вот книга, которая достойна того, чтобы она всегда была под рукой у каждого русского.

— "Народно - Монархическое Движение есть **единственное** в эмиграции политическое движение, которое базируется исключительно на русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты... Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, **неприемлемы** для путей Русской Государственности, русской национальности и русской культуры... Россия — не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это просто Россия. Совершенно своеобразный, национальный, государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы и от Азии" (См. часть 1-ую, первые страницы).

— "История Западной Европы принципиально непохожа на историю России... Государственное строительство России было удачным строительством. Наша гуманитарная наука должна была бы изучать европейскую историю с целью показать нам: как именно не надо строить государственность. Но наша гуманитарная наука с упорством маниака все пыталась пихнуть нас на европейские пути... Пошли "Бесы" Достоевского. И пришли бесы Сталина... Нас учили оплевывать все свое и нас учили лизать все пятки всех Европ. Мы потеряли свои пути. "Наука" снабжала нас фальшивым определением фактов, фальшивым освещением фактов и фальшивым подбором этих фактов. Наши головы переполнены вздором, ни к какой действительности не имеющим никакого отно-

шения" (См. часть II-ую, главу "Дух народа").

— "Люди Московской Руси приходили в ужас от одной мысли от возможности не только прекращения Монархии, но и от угрозы ее ограничения. Люди Петербургской России двести лет с разных сторон — дворянской и пролетарской подрывали Само державие. И над его могилой им мерещилась, совсем по Чехову, "невыразимо прекрасная жизнь". Москвичи видели катастрофу в том, в чем петербуржцам мерещился рай. Кто из них оказался прав фактически?" (Эта мысль в богатых иллюстрациях проходит основной через всю 3-ью ч. "Народная Монархия".)

— "Если вы вдумаетесь, а по мере возможности постараетесь вчувствоваться в весь стиль Московского государственного устройства и если вы его сравните с западно-европейским, то вас не может не поразить одна давно забытая всеми нами вещь: в нем не было разделенности. Собор не хватает за горло Царя и обе эти силы спаянные в один монолит, заняты, в сущности, только взаимопомощью. Собор мудро и твердо, "честно и грозно" стоит на страже Родины и Государя и ни разу даже и не попытался поколебать Царскую Власть" (См. часть IV — "Москва", стр. 18).

Короче говоря, через всю свободную русскую мысль, сохранившую в чистоте чувство своего национального самоощущения и чувство верности своему русскому самоцветному национальному самостоянию, яркой нитью проходит стремление уберечь наши коренные русские национально-исторические традиции, дабы на этом органическом фундаменте нашего великого русского прошлого построить наше великое русское будущее совместными и дружными усилиями всех верных сынов России, какой бы крови они ни были. Ибо только на этом земском фундаменте росла и цвела наша Держава Российская и только на этом земском фундаменте соборных усилий всех нас, россиян, может окрепнуть наша страна в свободном благоденствии и в мирном труде.

М. М. Спасовский

ФОНД ИМЕНИ ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Феоктиста Орлова — самообложение — 3 долл., от Спасского — 1.000 фр. фр., от Б. Ф. Тимченко — 1.000 фр. фр., от В. Арацкова — 1 долл., от Т. Филантьева — 1 долл., от Отдела НМД в Сан Франциско — за объявление — 5 долл., от Игумена Афанасия (Иерусалим) — 1 долл., от М. И. К. — 20 песо, от А. Боева — ежемесячное самообложение — 15 песо.

Se necesita matrimonio para trabajar en la quinta, también puede trabajar la Señora en la quinta, mientras el esposo en el taller de automotores, con buenas perspectivas para más adelante. Tratar en: San Martín 1157, Pcia. Roque Sáenz Peña, Pte. Perón.

„О р а т о р“

В монтерейской газете "Монтерей Пенинсула Геральд" 23-го марта с. г. появилось сообщение о том, что некий Сергей Архангельский выступал с "речью" на собрании университетских женщин в Монтерее. Он говорил о России. В своей речи он сказал: "В России никогда не было демократии. Россия на протяжении всей своей истории представляла собою военный лагерь. От пеленок до гроба ни один человек не имел свободы".

В газете сообщается, что этот человек служит "учителем" в Армейской Школе Языков, он учит американцев русскому языку и рассказывает им о России. Зачем же после этого обвинять американцев в том, что они не умеют бороться против коммунизма? Конечно, такая Россия, какую ее рисует Архангельский, не имеет права на жизнь.

Надо сказать, что американские офицеры и солдаты, прошедшие эту школу, отнюдь не становятся врагами России. Этим мы обязаны учителям антикоммунистам, которым приходится вести напряженную борьбу с подобными выпадами тайных коммунистов против России.

Сергей Алексеевич Архангельский — с позволения сказать — русский. Он, выпячивая грудь, рекомандует себя "передовым" человеком, подчеркивая это даже своей внешностью. Впрочем, хотя он и ходит в дамском берете, но его одутловатое лицо разоблачает его преклонный возраст. Он чувствует себя совсем молодым человеком, резво бежит по баракам школы, беспощадно и страстно борясь за "демократию". Мне пришлось однажды услышать его тираду, когда он в пух и прах "разгромил" американского патриота и борца сенатора Мак Карти:

"Да это ж — коммунист! Он применяет коммунистическую тактику! Из-за него страдают тысячи лучших, неповинных людей..."

Когда этот человек проходит мимо, становится как-то тошно, но в то же самое время и жаль его. Впрочем, он ничуть не оскорбил светлой памяти России, он только хрюкнул в пустоту, но тем не менее вспоминаются стихи Сергея Есенина, которыми он ответил Демьяну Бедному на его пасквиль против Бога:

Иуда был. Разбойник был.
Тебя лишь только не хватало.
П.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Иван Солоневич
ВЕЛИКАЯ
ФАЛЬШИВКА
ФЕВРАЛЯ
и другие статьи,
тематически
связанные с нею
Цена: Ам. дол. 1.50
В Аргентине — 20 п.

"НАША СТРАНА" в ПАРАГВАЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция "Нашей Страны" очень сожалеет, что условия службы препятствуют П. А. Привалову продолжать нести добровольно им на себя принятые обязанности представителя "Нашей Страны" в Парагвае.

Мы просим глубокоуважаемого Павла Александровича принять нашу глубокую благодарность за оказанную им "Нашей Стране" помощь, особенно ценную тем, что вступил он в исполнение своих обязанностей в тяжелое для нашего Представительства в Парагвае время.

Доводим до сведения наших подписчиков в Парагвае, что исполнение обязанностей представителя "НАШЕЙ СТРАНЫ" в Парагвае любезно согласился принять на себя.

Анатолий Флорианович
Л а п ч и н с к и й

Мы просим наших подписчиков в Парагвае вносить подписную плату за газету и стоимость заказанных в Издательстве книг А. Ф. Лапчинскому, а равно и обращаться к нему по всем вопросам, связанным с газетой или издательством "НАША СТРАНА".

А. Ф. Лапчинский принимает по делам "НАШЕЙ СТРАНЫ" каждый вторник от 7 до 10 час. утра по адресу:

Calle 14 de Mayo Nº 80, piso 1º
Oficina del Ing. Cámeron
Asunción, Paraguay

Р о з ы с к и

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией "Нашей Страны" или ее представителями на местах.

А. RESTCHKOFF, 37, Rue Duganton, Paris 15, France просит лиц, коим известна судьба или адрес проживавших до 1946 года в Буэнос Айресе архитектора Г. В. Белостоцкого, его жены Ксении Вячеславовны и ее брата Василия Вячеславовича Здеговецкого, сообщить ему сведения о них по вышеуказанному адресу.

Петра Михайлова, 28-ми лет, приехавшего в Буэнос Айрес из Парагвая в 1951 году, или лиц, знающих его местопребывание, просят сообщить в редакцию "Нашей Страны" — для № 18/54.

Н О В Ы Е К Н И Г И —

Редакцией получены следующие книги для отзыва:

Владимир Соловьев — Три разговора, 256 стр. цена \$ 2,25;
Винстон Черчилль — От войны до войны (1919—1939), 424 стр., цена \$ 2,75;

Ирина Одоевцева — Оставь надежду навсегда (роман), 370 стр., цена \$ 2,75;

Александр Эртель — Смена (роман), 420 стр., цена \$ 3,00;

Эдуард Бок — Как Эдуард Бок стал американцем, 372 стр., цена \$ 3,00.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Argentina
Buenos Aires

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705),
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Ifies, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo Nº 80, piso 1º, Oficina del Ing. Cámeron, Asunción.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave,
San Rafael, Calif., USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 7608-119 Ave.,
Edmonton, Alta.

Mr. L. D. Kostyria, 20, Palmerston Gdns. Toronto, Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné
Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE:

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Xama",
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AAJ. Capua (Prov. Caserta)

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts. 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

АДВОКАТСКИЙ КАБИНЕТ

Dr. Alberto A. Lodieu

Присяжный поверенный
Д-р Прав Д. М. ПЕТРОВ
Дела: судебные, коммерческие, административные.—
Контракты, сделки на недвижимость, паспорт "но аргентино", подданство, седула, буэна кондукта, оформление документов, семейные дела и пр.

Прием от 19 до 20 ч. и по соглашению.

CHARCAS 1368, piso 2, Dpto. 4
T. E. 41-2560